

ЛЕОНИД СОЛОВЬЕВ

ТРАГИК

Леонид Соловьев

Трагик

«ФТМ»

1936

Соловьев Л. В.

Трагик / Л. В. Соловьев — «ФТМ», 1936

«... Банкомет – суфлер, тощий, чистенький старичок с лисьей бородкой хвостиком, – покорно встал и закрыл лицо ладонями, так что высывался только самый кончик носа. – Если не ошибаюсь, я шел по банку? – спросил рыжий. Старичок ответил глухо, из-под ладоней: – Точно так. Ребром не бить. – Я приступаю, – серьезно сказал рыжий. Остальные в безмолвии наблюдали. Рыжий прицелился и картами щелкнул старичка по носу. – Ребром не бить! – дернувшись, закричал старичок. На пятнадцатом ударе его нос покраснел и взмок. Рыжий, наслаждаясь, продолжал хлестать резкими отрывистыми движениями, «с оттяжкой». Когда экзекуция закончилась, старичок, зажав распухший нос платком, отошел. Ему было, видимо, очень больно – слезы выступили. Он сказал: – Нет, господин Логинов, с вами играть невозможно. Вы бьете ребром да еще норовите ногтем задеть. Вредный вы человек, господин Логинов! ...»

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Леонид Соловьев

Трагик

1

Когда-то Мамонтов-Чарский был известным провинциальным актером, играл в Саратове, Самаре, в Казани и в других крупных поволжских городах. Публика принимала его хорошо: нравилась представительная фигура, густая черная грива и голос – зычный, с благородным рокотом и слезой. В бенефисы подносили Мамонтову букеты, венки, перевитые лентами, даже серебряные портсигары и часы.

Мамонтов глубоко верил в мощь своего таланта, в нутро, на сцену выходил полупьяный и вопил истошным голосом, колотя себя в грудь, закатываясь от крика, а потом переходил в зловеющий с привываниями шепот. Иногда, впрочем, удавалось ему плакать и настоящими слезами на сцене.

Никакой школы в актерском искусстве он не признавал. «Столичные штучки, – презрительно говорил он, – фигли-мигли, а души нет!» Провинция между тем привыкала к столичным штучкам, они нравились публике больше, чем вопли Мамонтова. Антрепренеры начали грубить, снижать ему гонорары, все реже устраивались бенефисы, и подношения были скудными, только цветы и ленты.

К пятидесяти годам Мамонтов-Чарский окончательно пропил голос, получил отставку и поселился в маленьком уездном городке Зволинске. Сын – бухгалтер какой-то фабрики в Суздали – присылал ему ежемесячно по двадцать рублей; денег не хватало, потому что пил Мамонтов по-прежнему крепко.

Летом приезжали в Зволинск на гастроли бродячие труппы. Мамонтов целыми днями торчал за кулисами, рассказывая актерам о былых триумфах и ругая столичных пшютов, вконец загубивших искусство. В обвисшем кармане своей рваной бархатной блузы без пояса он таскал сверток афиш и газетных вырезок; в самых старых афишах имя его значилось трехвершковыми буквами, с полным титулом: «Гигант русской сцены, любимец Астрахани, Самары, Казани, Саратова и Нижнего Новгорода, знаменитый трагик Мамонтов-Чарский»; чем новее были афиши, тем мельче становился шрифт, а в самых последних имя было напечатано слепыми, муравьиными буквами где-то в самом низу, в числе «прочих исполнителей».

Иногда из жалости Мамонтову давали выходные роли. Он исполнял их с неуместным, смешным нажимом, надеясь блеснуть силой своего нутра. Актеры морщились, но публика радостно хлопала, узнавая на сцене своего человека, известного всему городу и еженедельно моющегося в бане, подобно остальным обывателям.

В шестнадцатом году ценой самого унижительного прислуживания Мамонтов выпросил у сердобольного антрепренера бенефис и выбрал «Невинно казненного» – мелодраму, в которой раньше всегда имел шумный успех. Афиши он заказывал сам – огромные простыни с портретом, клише которого, обернутое ватой и марлей, хранилось у него на дне чемодана.

– Это уж слишком, батенька! – сказал антрепренер, увидев пробный экземпляр афиши. – Гигант русской сцены... Постыдились бы!..

Но Мамонтов ни за что не соглашался на сокращение титула, доказывая старыми афишами полную законность его. Так и пришлось оставить весь титул, заменив только слово «гигант» словом «ветеран»

Билеты пустили дешево, публики набилось до отказа. Актеры льстили Мамонтову и намекали на безденежье. Он всем пообещал дать взаймы, выпил для храбрости полбутылки и начал спектакль с неподдельным огнем, как в прежние, славные годы. Но подъема хватило

только на один акт, и, когда дело дошло до сцены в тюрьме – коронной сцены, во время которой Мамонтов раньше всегда слышал всхлипывания в публике, он почувствовал, что не может играть, как раньше: он не дрожал. Он пробовал дрожать нарочно – не выходило, его жесты и крики были фальшивыми, он понял, что действительно пропил голос и нутро. Кое-как, через силу, он дотянул спектакль и, не прощаясь, ушел домой. Спать он не мог, всю ночь пил бром, горько жалел, что не спохватился вовремя и много лет унижал себя, стучась с тупым и жалким упорством в двери, запертые для него навсегда.

Утром антрепренер привез деньги – девяносто рублей. Веселый, сытый, розовый, он сидел на смятой постели.

– Нутро, дорогой, вещь предательская, – говорил он, ковыряя в зубах и причмокивая. – Публике вовсе не интересно, что вы чувствуете, публика нынче другая пошла. Публике нынче подай оперетку, ваши трагедии ей ни к чему. А в оперетке играть вы не умеете – у вас техники нет. Вы даже танцевать не научились. Нутро, дорогой, вас всегда подведет, а вот спляшите как следует, с пикантными телодвижениями... Публика высоких чувств не понимает – ей чтобы весело было и непристойно...

Антрепренер был противен Мамонтову.

– Я человек искусства, а вы коммерсант, делец, – сказал Мамонтов.

Антрепренер не обиделся, скорее даже обрадовался.

– Я знаю, что публика любит! – подхватил он – Кузьму Крючкова любит – сделайте одолжение. Проститутку любит, чтобы раскаивалась, – пожалуйста! Но только я так поставлю, чтобы она у меня гостей принимала на сцене. Успех обеспечен. Анархиста хотите? Ради бога! Что угодно – мне все равно!

Антрепренер ушел, насвистывая, пощелкивая пальцами, виляя задом. Мамонтов, стоя у ворот, хмуро смотрел ему вслед. Когда плоская шляпа и короткие узкие брюки антрепренера исчезли за углом, Мамонтов прямой дорогой, без шапки отправился утешаться в трактир и долго сидел там, меняя стопочки...

Был вторник – базарный день, все плотнее набивался в трактир народ – мужики из уезда и перекупщики, празднующие свою торговую удачу. Местный богач и кутила мельник Басманов заметил в углу пьяного Мамонтова, подсел к нему. Под общий хохот он уговаривал Мамонтова съесть живьем скворца, обещая поставить за это бутылку. Зажатый в его потном кулаке скворец беспокойно вертел головой – глаза у скворца были точно капли черной воды, готовой вот-вот скатиться.

– Уйди! – крикнул Мамонтов, вяло замахиваясь кулаком.

Басманов повернулся к пьяным, горестно развел руками, точно приглашая их в свидетели, что применяет силу только по крайней необходимости, затем осторожно запрокинул седую голову Мамонтова и стал запихивать скворца ему в рот. Скворец, пища и упираясь, царапал Мамонтову острыми коготками губы.

– Уйди! Мерзавец! – злобно визжал Мамонтов, а толстый мельник совсем уже лег на него.

Затрещал стул и вдруг подломился; оба рухнули на пол, сдернув скатерть и перебив посуду. Грозил и ругался трактирщик; захлебываясь, ревели в диком восторге пьяные; два молодца рысью тащили Мамонтова к дверям, третий коленкой поддавал его сзади, а вслед, пошатываясь, топотал сапогами Басманов, крича:

– Догоню!

Об этом случае узнал весь город. Мамонтова дразнили на улице. Он безвыходно засел дома, не расставался с бутылкой, опустился, обрюзг и однажды украл у хозяев из горшка стакан молока. Это было замечено, от него стали все запирасть.

О дальнейшей сценической работе он не думал. Он поставил на себе крест. Воспоминания навещали его все реже, а когда навещали, то ему даже не верилось, что это он когда-то играл с таким успехом в Самаре, в Саратове и в Нижнем Новгороде.

...В таком положении застал Мамонтова семнадцатый год. Февральская революция прошла в Зволинске мирно, обыватели были довольны, вторая – Октябрьская – принесла митинги, рабочие выступления.

Мамонтов притаился в своей прокуренной, вонючей комнатухе. От сына не было ни денег, ни писем; обеспокоенный Мамонтов совсем уже собрался ехать к нему, но город как раз попал в прифронтовую полосу. Объявили военное положение, на казначействе появилась вывеска штаба, у крыльца встал часовой с гирляндой пропусков на штыке, расклеенные на заборах приказы обещали немедленный расстрел всем, кто не сдаст хранящегося оружия. Ловили дезертиров, въезд и выезд были запрещены.

...Ночью через комнату Мамонтова вдруг проносился летучий свет; потом вслед грузовику в сомкнувшейся темноте долго дребезжали оконные стекла. С пустыря, где раньше были бараки для военнопленных, доносился первый выстрел. Мамонтов зарывался в подушки. Неторопливо, через равномерные промежутки стучали выстрелы; грузовик пролетал обратно. Мамонтов не мог заснуть и все думал, дрожа и потя, о страшной смерти – осенью, у ямы, наполовину залитой водой; желто отражается в ней фонарь, и чавкают по жидкой грязи сапоги конвойных. Эти мысли всякий раз доводили его до нервного припадка, до удушья, он доставал из чемодана бутылку с бромом. После припадка одолевала его икота. За тонкой тесовой перегородкой просыпались хозяева и недовольно перешептывались. Однажды, после особенно сильного ночного припадка, хозяин – рыжий, постноликий мещанин, занимавшийся шорным делом, – прямо и грубо отказал Мамонтову, даже не позволил провести в комнате последнюю ночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.